

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

*Летопись, скрипторий¹ Йоркского кафедрального собора
25 марта 859 года. Праздник Благовещения*

Первый день нового года. Время, чтобы оглянуться назад и подвести какие-то итоги. Летописец изготавливал себе новое писчее перо — короткими точными движениями острейшего лезвия своего перочинного ножа срезал наискосок его кончик и затем расщепил его. Закончив, он одобрительно взглянул на результат своей работы, после чего окунул отточенное острие в небольшую плошку с чернилами из чернильных орешков, дал паре лишних капель стечь обратно в иссиня-черную лужицу и только после этого нанес первый штрих на чистый лист пергамента.

Вверх под наклоном. Снова вниз. Поперечная линия. Строго вверх. Вниз по кривой. Постепенно набирая скорость по мере того, как рука привыкала и приспособливалась к новому перу, к консистенции этой партии чернил, к слегка шершавой поверхности выделанной телячьей кожи.

DCCCLVIII от Рождества Христова. В этом году...

Его писчее перо было изготовлено из махового пера дикого серого гуся; даже в таком виде, когда оно стало оголенным и его приспособили для письма, рука чувствовала его упругую силу и надежность. Уже конец марта, и как раз сегодня утром он видел первую большую и угрюмую стаю этих птиц, снова возвращающихся на север, пролетая по хмурому небу Нортумбрии куда-то к неизвестным местам их летних жилищ. Сегодня был

¹ Скрипторий — мастерская рукописной книги, преимущественно в монастырях. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

подходящий день для новых начинаний. Годовщина первого отделения тьмы от света и день, когда на смену катастрофе падения Евы пришла благая весть — заветное «Аве»¹, услышанное Марией из уст ангела.

Вздохнув, он снова опустил глаза на практически пустой лист. *В этом году...* Каким мощным было желание оставить какую-то веху, какую-то запись чернилами на пергаменте, словно следы шагов на песке. И сколько пройдет времени, прежде чем какая-нибудь небольшая волна, предвестница мощного прилива, перекатится через этот стол, эту комнату, эту большую церковь, смывая все следы?

Он задумался над событиями последнего года, над новостями, которые приносили сюда легаты и королевские посланники, приходившие по старым дорогам, а также купцы и моряки, приплывавшие к речным причалам Йорка, посреди которого, словно паук в центре своей паутины, высился кафедральный собор.

Пора снова макнуть перо в чернила. Рука застыла в воздухе — он колебался, сомневаясь, что из всего этого стоило того, чтобы о нем написать. Относительно некоторых событий принять решение было достаточно просто. Смахнуть лишнюю каплю чернил, небольшая засечка, штрих вниз с сильным нажимом...

В этом году умер король пиктов Киниод ап Алпин, а также король западных саксов Этельвульф Экгбертинг. Их троны наследовали Домналл ап Алпин и Этельвальд Этельвульфинг.

Топорная фраза: нужно было сначала продумать ее, а потом уж писать. Всегда с ним так — история всей его жизни. Ладно, ничего, смысл и так достаточно понятен.

Также в этот год язычники сожгли собор в Туре.

Он вытер кончик пера о клочок ткани и уставился на побеленную стену перед собой. Ему казалось, что очень немного стоило его труда, стоило быть записанным в летописи. Ну ко-

¹ Аве (Ave) — приветствие ангела, адресованное Марии (Аве, Мария — Ра-
дуйся, Мария), перед тем, как он сообщил ей, что она зачала сына. Обожа-
ющее загадки средневековое воображение, радостно отраженное в этой
фразе, противопоставляет ее Еве: благодаря Еве мы пали, благодаря силе
Марии мы искупили грехи. (Примеч. авт.)

го, скажите на милость, могут заинтересовать мелкие события, которыми для него был отмечен последний *annus domini*¹? В этот год девушка подарила мне цветок в мартовские календы². Лицо ее и грудь были покрыты веснушками. Глаза ее были голубыми — их вид по цвету напомнил мне яйца певчего дрозда.

А как насчет того, что не произошло? В этот год не было голода, не было мора скота. Язычники были где-то в других местах. Это все, конечно, уже само по себе было чудом.

Он ни разу не был в Туре, а теперь, вероятно, у него уже никогда не будет такой возможности.

Мелкие события, не стоящие того, чтобы о них писать. В этот год Ингельд, вопреки своим убеждениям, стал священником и получил назначение в аббатство в Донмуте.

Он провел мягким нетронутым кончиком пера у себя под тщательно выбритым подбородком и, улыбнувшись ласковому прикосновению, закрыл глаза, чтобы лучше представить себе сильную птицу, летящую на фоне солнца на север, в сторону страны света — Гипербореи³. Интересно, какой видится этим гусям Нортумбрия? Дельта реки — эстуарий, — давшая имя этой земле, целый веер притоков, холмы из мела, известняка и гравия, протянувшиеся на север и запад до самого моря, холодные северные воды, омывающие эту землю, территорию Дамбартона и владения пиктов. Как далеко на север доносило это податливое перо своего прежнего хозяина? Его воображение заблудилось и утонуло в ослепительном блеске снегов и солнца.

Он снова медленно открыл глаза, вернувшись в свой прозаический мир каллиграфического наклона и чернильницы из рога, писчего пера и ножа, побеленной стены напротив. Как здорово было бы улететь вместе с гусями! Увидеть зарождающиеся бури, места, где сосредоточиваются армии, гавани, где скрываются в засаде разбойники — «морские волки», а затем, устремившись вниз, подслушать изменнические речи заговорщиков,

¹ Год Господень (лат.).

² Календы — в древнеримском календаре название первого дня каждого месяца.

³ В сторону Гипербореи — вслед за северным ветром. (Примеч. авт.)

шепчущихся в коридорах и будуарах и думающих, что их никто не слышит. Чтобы вся Нортумбрия со всеми ее холмами и водными путями была как на ладони.

Он улыбнулся и покачал головой. Нет, это мечта для государственных мужей и воинов, людей вроде его брата. А он был бы более счастлив, если бы, поймав крыльями ветер и наслаждаясь изысканным восторгом такого момента, смог бы взглянуть на край света.

1

— До конца поля и обратно? — Атульф совсем запыхался — щеки порозовели, а из-под неровно подрезанной челки возбужденно блестели глаза.

Элфрун подумала, что сейчас он похож на одного из этих взъерошенных пони, которых он держал под уздцы и которым было жарко в своих ворсистых зимних пополах под весенним солнцем конца Пасхальной недели.

Она кивнула:

— Спешиться и вновь запрыгнуть на лошадь три раза, разворот у куста боярышника, потом снова финиш здесь. — Она сделала широкий жест рукой. — И я еду на Маре. — Она сразу предъявила права на их общую любимицу и, бросив быстрый взгляд на своего кузена, заметила, что тот начал хмуриться и тут же оттопырилась его мягкая нижняя губа.

— Давайте! — Двое других мальчиков, принявших вызов, уже подталкивали своих лошадок на стартовую позицию в нескольких ярдах от них.

Одного из них она даже немного знала, видела его на других весенних праздниках и праздниках урожая; только вот земли его отца находились в далеком Элмете¹, в нескольких днях пути от ее родного Донмута. Второй был незнакомцем: высокий парень

¹ Элмет — королевство бриттов в районе Лидса, которое просуществовало до XVII века; в наши дни это слово сохранилось в региональном справочнике в названиях таких населенных пунктов, как Шерберн-ин-Элмет и Барвик-ин-Элмет. (Примеч. авт.)

со спокойным лицом, на гнедой кобыле. Они подъехали всего несколько секунд назад, когда скачка только еще планировалась.

Интересно, даст ли Атульф волю своему гневу на глазах у этих чужаков? Элфрун внутренне сжалась, но все равно властным жестом взяла поводья Мары.

Однако кузен удивил ее.

— Как пожелаешь, — сказал он и потянул к себе второго пони, Эплл.

Но на самом деле смотрел он не на нее и даже не на своего маленького пони с толстым задом, которого теперь держал под уздцы. Взгляд его устремился куда-то дальше, мимо нее, и на его круглом лице вдруг появилось странное, оценивающее выражение.

— Давай же! — снова крикнул юноша из Элмета, и в тот же миг Элфрун вдруг решила для себя, что она даже не хочет знать, что такого увидел там Атульф.

Она развернула Мару, вскарабкалась ей на спину и, ударив ее пятками в бока, взвизгнула:

— Вперед!

Последовал сумасшедший, безудержный рывок, так что она едва успела пригнуться; она смогла дважды — а не трижды, как договаривались, но это уже было не важно, — спрыгнуть и вновь вскочить на спину Мары, прежде чем развернулась вокруг куста боярышника с молодыми зелеными листочками на ветках. Косы ее расплелись, и хотя она подоткнула свои юбки, они высвободились и теперь развевались, мешая ей. Все мысли вытеснил восторг этого ликующего момента, ее больше не волновали ни ушибленные ребра, ни другие всадники, ни хриплые крики грачей, доносившиеся из рощи вязов в конце поля, и уж точно ни какие-то там гримасы Атульфа. Возбужденная и забрызганная грязью, Элфрун пришла второй. А выиграл высокий парень на гнедой кобыле.

Выиграл, но совсем немного опередил ее — он сам это признал:

— Ты здорово держалась!

Она резко натянула поводья, едва не въехав на Маре в задок его лошади, и благодарно усмехнулась, слишком разгоряченная и запыхавшаяся, чтобы что-то ответить.

